

ловский универмаг по итогам Всесоюзного социалистического соревнования неоднократно признавался победителем.

Нарастало производство промтоваров и на промышленных предприятиях. Сырьем были отходы основного производства. Практически все крупные заводы г. Свердловска к концу войны имели цеха ширпотреба.

В условиях тотального дефицита одежды, обуви и других носильных вещей большее, чем ранее, значение приобрели различные ремонтные мастерские. Они работали, как правило, в многосменном режиме, используя отходы и утиль. Так, для ремонта обуви мастерские организовывали сбор старых галош, пожарных рукавов, комбайновых полотен, приводных ремней, изношенной спецодежды.

Можно говорить, что по сравнению с первым периодом войны снабжение горожан промтоварами в 1944–1945 гг. несколько улучшилось. Однако свердловчанин той поры, как правило, был одет в поношенную и залаганную одежду, на ногах была неоднократно отремонтированная обувь. Но он уже начинал, как свидетельствуют документы и воспоминания современников, стесняться своего вида — на улицах увеличивалось число добротнo одетых людей.

Примечания

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 448. Л. 8.

² Архив УЗТМ. Ф. УРС. Оп. 1. Д. 1. Л. 18; Верх-Исетский рабочий. 1943. 29 января.

³ Советский рабочий класс. М., 1978. С. 399.

⁴ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Екатеринбург, 2000. Т. 2. С. 234.

⁵ Правда. 1943. 14 января.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 585. Л. 46.

⁷ Там же. Ф. 380. Оп. 2. Д. 20. Л. 29.

В.В. Шведов (ИИиА Уро РАН),

БОРЬБА С КОНОКРАДСТВОМ КАК ВИДОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Конокрадство всегда считалось тяжким преступлением. Оно серьезно подрывало индивидуальное крестьянское хозяйство, нередко лишало земледельца рабочего скота, а вместе с тем и возможности обрабатывать свое поле. Поэтому уже древние законодательства рас-

смаатривали этот вид преступлений как особо тяжкую кражу, сопоставимую с похищением необходимого для пропитания потерпевшего имущества.

С первых лет Советской власти конокрадство в нашей стране становится одним из самых распространенных и социально опасных преступлений. Оно причиняло громадные убытки деревенскому хозяйству. По данным прокуратуры в Уральской области в 1924 г. удельный вес краж с конокрадством в общей структуре преступности составлял 61,2%¹. Особенно критическая ситуация складывалась в Свердловском округе, где на 10 тыс. жителей приходилось 16 преступлений данного вида. Это был самый высокий показатель по Уральской области (среднеобластной — 7,7)². В последующие пять лет на территории Свердловского округа стабильно фиксировалось 150–200 краж лошадей, находящихся в личной собственности крестьян³.

В 1920-е — первой половине 1930-х гг. кражи лошадей совершались, как правило, ночью. На это время суток приходится 53,5% от числа преступлений данной категории. 15% лошадей украдено с постоянных дворов. Характерной чертой совершаемых краж являлось то, что 88,5% всех случаев конокрадства падает на лошадей, оставленных без надзора снаружи или в незапертом помещении. Конокрадства со взломом или посредством подобранный ключа составляли всего 6%, а краж, сопряженных с грабежом, регистрировалось только 4%. Вполне понятно, что только исключительные обстоятельства могут заставить конокрада предпочесть производить кражу со взломом, нежели свести от готовую запряженную лошадь почти без всякого риска. Конокрадство имело сезонный характер — почти 50% совершалось в летние месяцы⁴.

Конокрадство как профессия переходило по наследству от деда к отцу, от отца к сыну. Конокрады прекрасно знали друг друга. Передавая лошадь из рук в руки, они скрывали все следы и за неделю успевали сбыть ее, снабдив при этом покупателя даже распиской на продажу лошади, конечно, в большинстве случаев подложной. По свидетельству современников, много конокрадов было среди табунщиков, конских пастухов, лесных сторожей: «совсем безопасно для табунщика, всегда могущего сослаться, что лошадь эта прилудная, а в лесу, в непроходимой чаще всегда есть уголок, о присутствии которого знает только один сторож и где вполне безопасно может быть скрыта добыча первое горячее время розысков»⁵.

Обыкновенно, чтобы обезопасить себя со стороны соседей, конокрад в своей деревне не воровал, а работал в окрестностях. Пой-

манный на месте преступления, он часто без долгих разговоров отдавал добычу. Подозреваемый в краже, когда нет никакой возможности скрыть свои следы, брался вернуть украденное, а если лошадь уже успели далеко увести, предлагал взамен украденной получить другую, давая иногда вместо одной две. В некоторых местностях конокрадство становилось своеобразным промыслом: конокрады имели своих атаманов, притоны, разменные пункты, пристани, перевозки и тракты.

В Сысертском районе в 1920-е гг. местные конокрады держали ворованных лошадей в деревне Кадниково. Там они пережидали, пока закончится поиск, а затем переправляли лошадей на продажу. Во время одной из проверок летом 1928 года сысертские милиционеры обнаружили в этой деревне 21 ворованную лошадь⁶.

Особенно много хлопот местным жителям доставлял конокрад Василий Ш. по кличке «Синий». Сам он был родом из Сысерти, там жили его многочисленные родственники, он прекрасно знал местность и на протяжении нескольких лет безнаказанно воровал лошадей. Только в 1929 г. местным сыщикам удалось поймать «Синего». Сотрудник милиции, исполнявший в это время обязанности начальника районного Административного отдела, направил конокрада в город в изолятор и поручил конвоировать задержанного родному дяде «Синего», служившему в Сысертском РАО младшим милиционером. По дороге задержанный сбежал. Однако его вскоре поймали, суд приговорил конокрада к 7 годам лишения свободы⁷.

По факту побега было проведено расследование, конвоира-родственника привлекли к дисциплинарной ответственности, а милиционера, исполнявшего обязанности начальника РАО, уволили из милиции и возбудили в отношении него уголовное дело⁸.

Борьба с конокрадством в 1920–1930-е гг. стала одним из основных направлений деятельности подразделений милиции и уголовного розыска. Складывающаяся оперативная обстановка оказывала существенное влияние не только на организационное построение милиции, но и на приоритет тех или иных конкретных методов профессиональной деятельности сотрудников.

До конца 1930-х гг., времени существенного сокращения профессиональной преступности, истоки которой уходили в дореволюционный период, одним из основных приемов изобличения преступников был метод «модус операнда» — метод раскрытия правонарушений по способу их совершения, по «профессиональному почерку» виновных⁹. Именно с его помощью сотрудникам уголовного розыска удава-

лось изблечить многих рецидивистов, успешно бороться с преступными профессиями, в том числе и конокрадством. При этом использовались возможности расширяющейся агентурно-осведомительной сети.

Переход к НЭПу повлек за собой рост отдельных видов преступлений. Это потребовало дальнейшего совершенствования приемов борьбы с правонарушителями, внесения изменений в организацию уголовно-розыскной работы.

В составе уголовно-розыскных аппаратов в это время создаются активные подотделы. В них входили секретные части. Важнейшими их задачами были наблюдение за лицами, представляющими оперативный интерес, своевременное выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступления¹⁰.

В Инструкции о методах борьбы с уголовными преступлениями, принятой в 1924 г., говорилось, что необходимо выявлять причины преступлений: «отсутствие в методах современной работы уголовного розыска учета и изучения социально-экономических причин, влияющих на преступность, и несовершенно постановка учета преступлений, преступников и их деятельности не дают возможности провести полный анализ преступности». Лучшими методами, способствующими выявлению преступных явлений, признавались учет и изучение: а) социально-экономических причин, порождающих преступность и влияющих на ее повышение; б) всех разновидностей преступлений; в) социального, возрастного и полового состава преступников; г) методов и форм деятельности преступников¹¹.

В 1928 г. в системе уголовного розыска образуются линейные службы так называемого активного розыска — специализированные бригады по борьбе с определенными видами преступлений. Они делились на три группы: а) убийства, разбои, грабежи, конокрадство, поджоги; б) хозяйственные и должностные преступления; в) кражи, мошенничества и другие имущественные преступления.

На местах для более эффективной борьбы с конокрадством из работников уголовного розыска создавались специализированные группы. Руководством милиции и уголовного розыска ежегодно разрабатывался комплекс мер, направленных на борьбу с конокрадством. Так, в приказе Начальника Уральского Областного Административного Отдела №10 от 10 марта 1926 г. говорилось, что с наступлением весны, «...как указывает уголовно-розыскная практика, приближается и сезон конокрадства, каковой с наступлением лета принимает широкие размеры благодаря тому, что в летний период крестьянское

население, используя подножий корм, отпускают скот в леса и луга зачастую без всякого присмотра»¹². Учитывая это, подразделениям уголовного розыска было предписано подготовиться к плановой кампании по борьбе с конокрадством и принять заблаговременно все мероприятия к тому, чтобы оградить крестьянское население от конокрадства в наступающем весеннем и летнем периоде.

В рамках этой работы сотрудники милиции и уголовного розыска проводили рейды, облавы, проверки мест, где могли содержаться краденые лошади. Так, в начале 1930-х гг. в милицию Кушвы поступило сообщение о том, что на склоне горы между Кушвой и Нижней Турой остановился цыганский табор. По информации осведомителя в таборе было много искусных конокрадов и умельцев по подделке военно-учетных конских книжек, а в табуне есть ворованные отличные кони¹³.

Начальником кушвинской милиции было принято решение о проведении проверки табора. Согласовав рейд с Областным Управлением милиции, районным прокурором и секретарем райкома партии, милиционеры разработали план по проведению операции. В рейде принимал участие весь личный состав милиции района, общественность. Вечером к установленному времени сотрудники милиции собрались на оперативное совещание. На окраине Кушвы их ожидали бригадмилы, коммунисты и комсомолы.

Под покровом ночи оперативные группы с необходимыми мерами предосторожности выступили к месту операции. Табор был окружен сотрудниками милиции и бригадмила. Цыгане крепко спали, собаки не успели поднять тревоги. Другая оперативная группа появилась на пастбище, где под охраной одного пастуха-цыгана находился табун лошадей.

Всю ночь и первую половину дня велась проверка личных документов у цыган, учетно-воинских конских книжек на лошадей. К 15-00 операция была закончена. У цыган изъяли несколько поддельных конских книжек, ворованных лошадей и чистые бланки учетно-конских книжек.

Участники операции двинулась в Кушву, увозя с собой уличенных в преступлениях цыган и краденых лошадей. Сотрудники милиции опасались, что оставшиеся цыгане попытаются отбить задержанных. Был выделен отряд милиционеров, готовый в любой момент пресечь беспорядки. Но опасения не оправдались. В таборе цыган поднялся шум, рев детишек, галдеж мужчин и женщин, цыгане стали свертывать палатки, запрягать в повозки лошадей и укладывать свой скарб.

Жены задержанных цыган некоторое время сопровождали колонну, интересуясь, что будет с их мужьями, а потом отстали от отряда.

Снявшись с места, цыгане не спешили покинуть район. Они двинулись в Кушву. Когда в райотделе сотрудники милиции начали оформлять уголовные дела на конокрадов, к зданию милиции начали подходить группы цыган с детьми и женщинами. Вскоре появились и повозки с имуществом. Табор занял всю улицу. В милицию явились цыгане с требованием отдать лошадей и отпустить задержанных конокрадов. Такие же делегации направились к прокурору в исполком, председателю и секретарю райкома партии.

Прокурор в окружении галдящих цыган пришел в милицию, просмотрел все материалы уголовных дел, подтвердил законность возбуждения уголовных дел и арестов. Делегатам-цыганам он объявил, что конокрады арестованы правильно и будут преданы народному суду, а изъятые лошади возвращены законным владельцам. То же самое объявили цыганам председатель райисполкома и секретарь райкома партии.

Видя, что ничего не получается, цыгане к вечеру стали покидать город. Для охраны общественного порядка была выделена группа сотрудников милиции. Она под видом возвращающихся с рынка крестьян следовала за табором цыган до границы Кушвинского района. Уголовные дела в отношении конокрадов было окончены производством, виновные осуждены, а изъятые у цыган ворованные лошади возвращены потерпевшим согласно определений суда.

«Великий перелом» конца 1920-х гг., наряду с экономическими преобразованиями, повлек за собой и процесс маргинализации населения, обнищания масс. Лишенные средств существования и возможности получить работу, многие не связанные в прошлом с уголовным миром люди становились на путь преступлений. Это привело к росту имущественных преступлений. Большое распространение в первой половине 1930-х годов получили убий и кража скота, являвшегося государственной собственностью. Массовость этих видов преступлений была порождена, прежде всего, продовольственными трудностями. 16 января 1930 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», а 20 января 1930 г. Уголовный кодекс был дополнен Положением о наказании за убий и умышленное изувечение скота, за подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства в виде лишения свободы на срок до двух лет, с высылкой из данной местности или без таковой¹⁴.

Складывающаяся ситуация привела к ужесточению ответственности за кражу скота, в том числе и за конокрадство. Включение аппаратов милиции и уголовного розыска в структуру ОГПУ сказалось на организации их работы: ими стали перениматься методы чекистской работы. Одновременно продолжалась специализация оперативных сотрудников, стали применяться внесудебные репрессии в отношении правонарушителей.

Следует признать, что предпринятые в этот период меры по совершенствованию уголовно-розыскной службы, повышению уровня профессионального мастерства сотрудников, активизации профилактики преступлений, укреплению взаимодействия с общественностью привели в первой половине 1930-х гг. к заметному снижению уровня преступности. Конокрадство в РСФСР постепенно пошло на убыль: в 1935 г. по сравнению с 1934 г. число преступлений данного вида сократилось на 66 процентов¹⁵.

Повысилась и эффективность работы органов милиции и уголовного розыска по раскрытию конокрадств. Так, если в начале 1920-х гг. раскрываемость преступлений данного вида была низкой и составляла, в частности в Свердловском округе, 25–40%, то к 1929–1932 гг. этот показатель уже стабильно составлял 50–65%¹⁶.

Примечания

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 274. Л. 92.

² Там же. Л. 93.

³ ЦДООСО. Ф. 5870. Д. 5. Л. 62; Д. 6. Л. 37; Д. 7. Л. 13; Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета. 1925–1927 гг. Свердловск. 1927. С. 93; Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета. 1929–1931 гг. Свердловск. 1931. С. 202.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 274. Л. 31, Л. 64; Ф. 5870. Д. 7. Л. 15; Д. 9. Л. 23.

⁵ Административный вестник. 1929. №3. С. 26.

⁶ События воспроизводятся по воспоминаниям: Зубакина Петра Михайловича, работавшего в органах милиции Сысерти с 1919 по 1929 год. Материалы датируются 1967 годом. Свердловский музей истории милиции. Вспомогательный фонд. Д. 4. Л. 24.

⁷ Ф. 3425. оп. 1. Д. 2. Л. 51.

⁸ Там же. Л. 89.

⁹ Полубинский В.И. Становление Советского уголовного розыска // История органов внутренних дел России. Выпуск 5: Сборник научных трудов. М., 2002. С. 59.

¹⁰ Суслов В.М., Хоботов А.Н. Развитие форм и методов предупреждения преступлений аппаратами уголовного розыска (1918–1934 гг.) // История

органов внутренних дел России. Выпуск 2: Сборник научных трудов. М., 1999. С. 35.

¹¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 47. Д. 135. Л. 120.

¹² ГАСО. Ф. 854. Оп. 3. Д. 6. Л. 15.

¹³ События воспроизводятся по воспоминаниям Шестакова Дмитрия Ильича. В милиции служил с 1925 по 1955 гг. Прошел путь от младшего милиционера до начальника отдела милицейской службы ГУМ МГБ СССР. Возглавлял Управления милиции городов Перми, Нижнего Тагила. Воспоминания подготовлены летом 1986 года для Свердловского музея истории милиции. Свердловский музей истории милиции. Вспомогательный фонд. Д. 6. Л. 25–29.

¹⁴ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 319–350.

¹⁵ Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. Под общ. ред. Р.Г. Нургалиева. М., 2004. С. 278.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 5870. Д. 5. Л. 62; Д. 6. Л. 39; Д. 8. Л. 13.

Я.В. Цаплина (ЧелГУ)

«ТРУДЫ, ПОЛЬЗУ ОБЩУЮ СОСТАВЛЯЮЩИЕ»: ЭТНОСЫ В КОНТЕКСТЕ, ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЮГО-ВОСТОКА ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

Процесс политико-административной интеграции Южного Урала в состав Российской империи сопровождался научным изучением края. Правительством были организованы Оренбургская (1734–1744) и Академическая (1768–1774) экспедиции, в состав которых входили крупные ученые своего времени. И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, П.И. Рычков, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Л. Фальк, И.Г. Георги. В рамках данной работы, на основе анализа трудов исследователей, предпринимается попытка рассмотрения населения Южного Урала, представленного различными этническими группами, как одного из ресурсов хозяйственного развития региона.

В силу рационального подхода этносы Южного Урала рассматривались учеными с точки зрения возможной приносимой пользы для Российского государства. В 1731 г. в состав империи была принята Малая Киргис-Кайсакская орда, в связи с чем статский советник И.К. Кирилов в своем проекте перечислял выгоды, проистекающие из данного факта, а также обосновывал теорию, согласно которой чем многочисленнее и разнороднее будет этнический состав населения окрестных областей, тем легче осуществлять контроль над отдаленной территорией и тем стабильнее будет ситуация в централь-